

**АНТИ-КОНФЕРЕНЦИЯ «КРИНЖ: БАЗА»
(САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 19.11.2022)**

АННА ЕРШОВА

Анна Владимировна Ершова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург,
Россия.

E-mail: anyuta881@gmail.com

Данная статья представляет собой обзор анти-конференции по тёмной эстетике под названием «Кринж: база». Есть предположение, что для осмысления современной культуры необходимы новые категории, одной из которых и является кринж. Темой конференции стала проблематизация понятия «кринж» и осмысление его как культурного феномена. В обзоре последовательно изложены доклады, которые предприняли попытку разными способами осмыслить феномен кринжа, его генезис и содержание. Кроме эстетических аспектов, в ряде докладов кринж рассматривается как нечто этическое и политическое. Также в статье анализируется опыт конференции вне академического пространства и оценивается его качество.

Ключевые слова: эстетика, современная культура, обострённая чувствительность, кринж

ANTI-CONFERENCE “KRINGE: BASE”

Anna Ershova

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

E-mail: anyuta881@gmail.com

This article is a review of the anti-conference on dark aesthetics, called «Cringe: Base». The modern culture of the last two decades has offered something similar to a new aesthetic category. In this regard, the topic of the conference was the problem of the concept of «cringe» and the understanding of it as a cultural phenomenon. The review consistently presents reports that have attempted to capture the cringe, its genesis and content in various ways. In addition, in some reports, cringe is regarded as something ethical and political. The article also analyzes the experience of the conference outside the academic space and assesses its quality.

Keywords: aesthetics, modern cultural phenomenon, high sensitivity, interactivity

Введение

Сегодня существует множество конференций разных форматов и на разные темы. Тем не менее, большую их часть можно отнести к строго академическим, где одни специалисты рассказывают другим о проблемах из области своей специализации. Безусловно, конференция – очень важное, даже необходимое поле для публичного применения своего разума. Тем не менее, важно отметить замкнутость такого рода мероприятий, недоступных обывателю и неспециалистам. Возможно ли осмыслить конференцию не как формальное мероприятие для учёных, а как пространство, где каждый, независимо от академического уровня, имеет право высказаться? Как сделать конференции общим пространством для всех? Анти-конференция «Кринж: база» стала одной из таких попыток, она состоялась 19 ноября 2022 года в Санкт-Петербурге, а ее темой стала проблематизация понятия «кринж» и осмысление его как культурного феномена. Анти-конференция состоялась благодаря личной иници-

циативе студентов 4-го курса института философии СПбГУ, а также она была данью уважения А. Е. Радееву и русской эстетике.

Участникам конференции было предложено изложить свои мысли на тему кринжа, осмыслить его как феномен, проанализировать его на примере одной из сфер жизни.

К началу мероприятия были заняты все свободные места. По причине отсутствия регистрации и непредсказуемо большого потока гостей весь бар «Фогель», в котором и проводилась конференция, был забит людьми. Несмотря на то, что людей было слишком много, чтобы комфортно устроиться, происходящее оказалась насколько увлекательным и беспрецедентным, что все (зрители, выступающие, организаторы и сотрудники бара) нашли возможность сплотиться и осуществить задуманное.

На открытии анти-конференции была рассказана история о том, как ребята вдохновились организовать это мероприятие, и почти сразу же начались выступления докладчиков. По расписанию конференции было представлено 15 докладов в рамках трех последовательных секций.

Содержание докладов и мысли «вокруг»

В. Головков, один из участников первой секции, эффектно выступил с докладом «О дихотомии кринжа и базы». Он отметил, что употребление данных терминов говорит об оценке либо отдельного высказывания, либо мировоззренческой позиции человека в целом. Раскрывая этот тезис, он объяснил, что суть «базы» в том, что она репрезентирует самодостаточную позицию фундаментального, «базированного» человека. В этом смысле, быть «базированным» – значит быть человеком с твёрдой позицией, которая является продуктом самостоятельных размышлений и решений. Кринж же, напротив, описывает такое состояние субъекта, воспринимающего информацию, которое характеризуется дискомфортом, выражающемся в чувствах стыда и неловкости. Суть кринжа заключается в зависимости субъекта от «другого». Кринж, утверждает *В. Головков*, не самостоятелен. Испытывая кринж, человек признаётся в собственной беспомощности

пред лицом жизни в целом. Доклад В. Головкова вполне можно назвать шуточным или забавным, но, тем не менее, изложенная докладчиком позиция относительно кринжа имеет в себе серьёзные основания, которые идут в противовес мнению других докладчиков.

С глубоким и основательным докладом «Кринж как этический китч» выступила *М. А. Васильева* (к. ф. н., доцент каф. философии Санкт-Петербургского горного университета). В докладе продвигалась мысль, что кринж как эстетическое переживание неловкости, неуместности, неподобаемости, возникает еще до разговора об этическом в современной нам культуре. И в этом проявляется глобальный эстетический переворот: признание самоценности и первичности эстетического переживания, а также появление специфического языка, чтобы говорить об этом. *М. А. Васильева* подчеркивала, что предлагала рассматривать понятие кринжа на стыке этического и эстетического дискурсов. Кринж оказывается не только модным в молодёжной среде слэнговым термином, но и важным понятием, через которое можно уловить специфику эстетическо-этического суждения. Характерно, что и в ряде последующих выступлений проблема совпадения этического и эстетического в кринже подчеркивалась неизменно – в рамках ряда докладов кринж был рассмотрен и как элемент китча, и как этическая категория, и даже как форма кэмп.

В докладе *В. Кириченко* (преподаватель ВШЭ по французскому языку) было представлено непростое преломление кринжа и чувствительности геймера на материале компьютерных игр, сделанных на Flash-движке. Главное внимание докладчик сосредоточил на исследовании ощущений игроков; геймер 2000-х который прибегал порой к странным игровым практикам, переносившим игрока в пограничную область удовольствия от визуального насилия, раздевания, издевательства и прочих едва ли достойных занятий. Тем не менее, важно заметить то, что тот самый геймплей, который возникал в таких играх и практиках, не рефлексировался как негативный, опасный или травматический, но рассматривался как странно-смешной или смехотворный в связи со своей карикатурностью. В докладе был сделан

вывод, что возможно анализировать подобный геймплей как «кринж-плей», видя в нем дополнительные нюансы публичной неловкости и стеснительности наряду с удовольствием. В итоге, несмотря на то, что движок Flash уже перестал поддерживаться официально, а эпоха флэш-игр закончилась примерно в 2012 г., мы можем наблюдать их влияние и на примере мобильных игр, что, правда, тоже уходит в прошлое из-за усиления цензуры. Получается, что сегодня то, что находилось в области повседневного опыта геймера 2000-х, сместилось в область маргинальной продукции, так называемых, «плохих игр» или попросту стало чем-то кринжовым. Доклад примечателен тем, что в нем нет претензий на исчерпывающее определение кринжа: В. Кириченко знакомит слушателей с материалом, содержание которого возможно оценить как кринжовое, стыдное, мерзкое. Публика сама вольна решать, как оценивать flash- игры такого формата.

Подвопрошающим названием «Почему это кринж?» представил свой доклад *Е. Шкляр*. По мнению докладчика, кринж – это феномен продолжения иронического или пост-иронического дискурса. Сам кринж существует за счёт противопоставления себя искренности в заданных культурой постмодерна. Искренний человек, в таком случае, – это тот, кто и мыслит, и говорит, и делает одно. Человек же, стоящий в позиции иронизирующего, не может существовать в подобной цельности, так как ирония изначально включает в себя двоемыслие и раздроблённость. Человек, иронизирующий над собой, говорит «А» и сразу же произносит «не-А». Это приводит нас к проблеме искренности в современности и позволяет поставить вопрос: почему мы считаем современную искренность смешной. Ответ, который предложил *Е. Шкляр*: мы ее считаем смешной из-за странного ощущения наивности. Человек иронизирующий во многом чувствует себя неуязвимым, так как вы не можете, и не будете опровергать того, кто уже сделал это сам. Никто не будет критиковать того, кто вечно проделывает эту процедуру над собой. Когда же человек иронизирующий сталкивается с чистой искренностью, он расценивает её как наивность, простодушие. Человек иронизирующий не хочет верить в то, что другой готов чувствовать и открыто об этом

заявлять, не боясь выглядеть «кринжово». Е. Шкляр подводит к необходимости разговора о кринже с разбора той ситуации, где кринж «берёт своё начало». Такой способ исследования кринжа весьма уместен, ибо «кринж» становится не просто понятием, а феноменом, у которого есть свои основания.

А. Чусова в докладе «Аудио-визуальный канон кринж-комедии как реакция на кризис межличностной коммуникации» главным иллюстративным материалом для выражения кринжа выбрала комедийный жанр. За последние 15 лет количество комедий, использующих «кринжовость» в качестве основного продуцируемого аффекта, значительно возросло, утверждает она, приводя в пример такие сериалы как «Офис», «Полет Конкордов», «Американская семейка» или «Последний человек на Земле». Если посмотреть на кринж-комедии как на культурный феномен, можно увидеть объединяющую их особенность: кринж, как и большинство юмористических приемов, работает на обмане ожиданий, демонстрирует разрыв между ожиданием (нормативностью) и реальностью. Ожидание в данном случае во многом связано с социальной валидацией, коммуникативным балансом, возможностью быть понятым. Реальность же складывается иначе. Основа юмора кринж-комедий базируется на кризисе коммуникации. Кринж-комедии зачастую стилистически являются трагифарсами и демонстрируют комичность травмирующих ситуаций. Новая искренность здесь проявляет себя в уровне трагизма: сниженного, бытового, опирающегося на образы социальных аутсайдеров.

А. Е. Радеев (д. ф. н., доцент СПбГУ) в докладе «Нет, ну а если серьезно о кринже» предложил определить контекст ситуации, в котором имеет место дело со временем реактивности: субъект предпочитает скорее реагировать, чем действовать. Более того, заметил докладчик, мы имеем дело с переходом от интерактивности через интерпассивность к интерреактивности.

Иными словами, мы имеем дело с разными формами реактивности, и одна из них – обостренная чувствительность. Модусы обостренной чувствительности – трогательность и ранимость. В трогательности, помимо всего прочего, важен аспект касания. В ранимости, помимо всего прочего, важен аспект авторефлексии. Таким образом, он подводит

нас к тому, что феномен кринжа важно рассмотреть не как самостоятельный, а как явление в связке с тем, что ему предшествовало, определило его настоящее, и с тем, что сделало его таким, какое оно есть. А. Е. Радеев выдвинул гипотезу, что проблема кринжа располагается внутри обостренной чувствительности, внутри трогательности и ранимости. Кринж реактивен, но с учетом модусов мы имеем дело с особой формой реактивности – той, что, во-первых, относится с подлинностью реакции (трогательность) и в то же время той, что имеет дело с подлостью самореакции (ранимость). Иначе говоря, кринж – это реакция на реакцию, т. е. кринж кринжовен, кринжово что-либо называть кринжем. Но в то же время кринж – это форма касания, т. е. кринж связан с точкой касаемости («меня это касается»). Подводя итог, докладчик пришел к выводу о том, что кринж – это подлинность реакции и подлинность самореакции. Есть в кринже свое очарование (трогательность) и свое разочарование (ранимость). Но обостренная чувствительность многолика. Это может быть «новая сентиментальность» (см. «новая наивность», метамодернизм и пр.), а может быть и кринж. Проблема кринжа, заключил А. Е. Радеев, безоговорочно попадает в болевую точку современности – место повсеместной реактивности, ставшей интерреактивной.

В докладе *А. Емельяненко «Генеалогия и категориальный строй кринжа: субъективный анализ»* отмечалось, что представители современности стихийно обогащают нашу среду разнообразными понятиями, которые могут войти в число этических или эстетических категорий. Ситуация рядовая, заявляет она, однако многие категории ясны для нас по своему содержанию, когда как понимание кринжа до сих пор улавливается лишь интуитивно. Удивляет степень разброса когнитивного аспекта данного понятия в сознаниях людей, а также значительное разнообразие в критериях присвоения данного понятия как предиката. После рассказа о личной истории истории первой встречи со словом «кринж», А. Емельяненко отметила значительное влияние этического дискурса этического при оценке феномена кринжа. Вместе с тем, заключила докладчица, кринж в эстетическом смысле все же может существовать вне этического, хотя подобные случаи представля-

ют значительное меньшинство. Также об опыте проживания кринжовых ситуаций выступила *В. Едокименко* с докладом «Сомаэстетический опыт кринжа».

Также на конференции выступил *Я. Власов* с докладом «Кринж в западной философии и литературной традиции». Целью доклада был анализ цитат известных философов и литераторов о стыде, но слово «стыд» Я. Власовым было заменено на «кринж». Доклад имел чисто художественный эффект: каждый слушатель смог задуматься, допустима ли такая деформация цитат, может ли кринж мыслиться не как явление современности, насколько уместна такая провокация. В любом случае, выступление Я. Власова на конференции о кринже, в баре-лектории, в кругу веселых слушателей смотрелось вполне органично.

Также на конференции выступили *Е. Шитова* с докладом «Онтология кринжа в современном русском аукционизме на примере кейса фигуры Павла Крисевича», *Е. Мирошниченко* – с докладом «Культура стыда и греко-персидские войны: от рофла до кринжа», *П. Федотов* – с рассказом о «Катахреза, или О кринже как злоупотреблении реальностью», *Е. Александрова* – с докладом «Кринжовый образ: политический потенциал постреалистической документалистики» и *В. Минаева* – с докладом «Кринж как параязык от бессобытийности к коллективной травме».

В заключение о том, «Как исследовать кринж политически? Праздники, клипы и любовь» рассказал один из организаторов конференции *М. Неополитанский*. Он опирался на теорию Жака Рансьера и его понятие эстетического отчуждения, иллюстрируя кринж практикой празднования российских праздников, анализом клипов в социальной сети «ВКонтакте» и описании профилей в Тиндере. Доклад вызвал радость у участников.

Выводы

Подводя итоги, следует отметить, что конференция затронула не только актуальную проблему такого вирусного феномена как кринж, но и заполнило смысловые лакуны в эстетической мысли, связь её с этикой и политикой. В частности, много вни-

мания было уделено докладам об опыте кринжа, нежели его осмыслению. Это свидетельствует о замыкании чувственно-го переживания и невозможности его внятно определить без ссылки на конкретные примеры, с одной стороны, и многослойности этого феномена, с другой. Вместе с тем нельзя не отметить, что конференции не хватило достаточно времени и места, чтобы довести до конца концептуализацию феномена кринжа, однако удалось наметить главные проблемы и стратегии его исследования. Конференция действительно оказалась площадкой для диалога в плоскости не только академической среды, но и интересующейся и любознательной публики. Она объединила заинтересованных в эстетике кринжа людей, открытых к диалогу друг с другом.

Можно еще раз подчеркнуть, что кринж как феномен, проникший в мироощущение молодежи последних двух десятилетий, существует. Он существует как признак повышения чувствительности и уязвимости в человеческой коммуникации. Кринж – это феномен отчуждающий, потому что он заставляет испытывать неприятное ощущение и, как следствие, желание дистанцироваться от причины, запускающей это действие. С другой стороны, он феномен объединяющий, потому что становится неким «общим местом» чувствительной публики, публики «I care», которая склонно вовлекаться во всё, что их окружает.

Попытка вывести формат конференции за пределы академизма, предпринятая организаторами анти-конференции «Кринж: база», может считаться успешной. Сам факт того, что около ста человек разного возраста, разного академического статуса и с разным опытом не имели между собой никаких границ, говорит не только о возможности стирания ненужных формальностей, но и о востребованности такого рода мероприятий.